

3. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1 (Философское наследие; т. 106). М., 1989.
4. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: АСТ, 2008.
6. Лурья А. Р. Теория развития высших психических функций в советской психологии // Вопросы философии. М., 1966, № 7.
7. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011.
8. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Сочинения. В 8 томах. Т. 8. М.: Чоро, 1994.
9. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.
10. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
11. Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. Л., 1949.

References:

1. Marx K. Capital. Critique of Political Economy. Volume I. // K. Marx and F. Engels, Works. Ed. 2nd. 23. Т. М., 1960.
2. Porshnev B.F. Beginning of human history (problems paleopsychology). St. Petersburg: Aletheya, 2007.
3. Descartes R. Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences // Descartes R. Works in 2 volumes. Volume 1 (Philosophical heritage; v. 106). М., 1989.
4. Herder I.G. Ideas of the philosophy of history. М., 1977.
5. Vygotsky L.S. Thinking and speech. М.: АСТ, 2008.
6. Luria Is A. Theory of the development of higher mental functions in Soviet psychology. // Problems of Philosophy. М., 1966, number 7.
7. Tomasello M. Origins of human communication. М.: Languages of Slavic Cultures, 2011.
8. Kant I. Alleged beginning of human history // Kant I. Works. In 8 volumes. Т. 8 М.: Choro, 1994.
9. Hegel G.W.F. Lectures on the Philosophy of History. St. Petersburg: Science, 1993.
10. Porshnev B.F. About the beginning of human history // Philosophical problems of historical science. Moscow, 1969.
11. Pavlov I.P. Lectures on the work of the cerebral hemispheres. L., 1949.

УДК 2-335

В. В. КОРШУНОВ

РЕЛИГИОЗНОЕ МЫШЛЕНИЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В КОНЦЕПЦИИ НИКОЛАЯ ЛОССКОГО

В статье рассматриваются религиозные воззрения Ф.М. Достоевского, их становление и выражение в концепции Н. Лосского. Обозначаются главнейшие принципы и мировоззренческие постулаты, на основе которых созидалось творчество великого русского писателя. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого знакомства современного российского общества с творчеством писателя, выражающим в себе главнейшие принципы христианства, его морали и нравственности.

Ключевые слова: религиозные взгляды Ф.М. Достоевского, философская концепция Николая Лосского.

UDK 2-335

V. V. KORSHUNOV

RELIGIOUS VIEWS OF F.M. DOSTOEVSKY'S IN PHILOSOPHICAL CONCEPT BY NICHOLAS LOSSKY

The article is devoted to the questions of religious views of F.M. Dostoevsky's philosophical concept by Nicholas Lossky. Main principles and ideological postulates based on work of the great Russian writer is denoted. Relevance of research is caused by necessity of deeper exploration of modern Russian society with the works of the writer where the main principles of Christianity, its morals and ethics are expressed.

Keywords: religions views, Dostoevsky, concept by Nicholas Lossky.

Предпосылки религиозности Ф. М. Достоевского

Родители Ф.М. Достоевского были религиозными людьми и заботились о соответствующем воспитании своего сына. «Первым воспоминанием Достоевского, относящимся к двухлетнему возрасту, был следующий случай: мать подвела его к причастию в деревенской церкви, и в это время «голубок пролетел через церковь из одного окна в другое» [1, с. 52]. Сильное впечатление производили на него рассказы о христианских мучениках и подвижниках, слышанные им в детстве от крестьян и прислуги, а потом в остроге среди каторжников. «Я принял вновь в мою душу Христа, Которого узнал в родительском доме еще ребенком и Которого утратил, было, когда преобразился в свою очередь в европейского либерала», – писал Ф. М. Достоевский. Некоторые товарищи писателя посмеивались, видя его религиозность.

Был период в его жизни, когда, как кажется, писатель не касался обсуждения проблем христианского миропонимания. С 1841 г. и вплоть до каторги мы не находим в его письмах ничего на эту тему.

Несомненно, что сама вера Достоевского прошла через значительную череду жизненных испытаний и невзгод («через большое горнило сомнений моя осанна прошла»). Например, можно с определенной уверенностью утверждать, что писатель поначалу в своих письмах выражал не совсем православный ортодоксальный взгляд на личность Христа. В одном из ранних писем он приравнивает Его к Гомеру, тем самым указывая на то, что Христос не занимает исключительного положения в системе его религиозного мировоззрения. Это было обусловлено личностной «утратой Христа», связанной с «преображением в европейского либерала», которая произошла с писателем во время дружественного общения с Белинским (лето 1845 г. – первая половина 1846 г.). Достоевский «страстно» принимает учение Белинского до того момента, когда между ними произошла ссора «из-за идей о литературе и направлении литературы», приведшая к разрыву сношений между русскими мыслителями. В это время особо волнуют его вопрос согласования бытия Бога и наличия в мире страданий, а также понимание основного догмата христианства о Богочеловеке, по которому Христос есть воплощение Второго Лица Св. Троицы. Тем не менее, несмотря на влияние социалистических идей, которое Достоевский испытывал в то время, он сохраняет в себе горячее чувство преклонения перед Христом как высшим воплощением добра. Христос остается для него идеалом и путеводною звездой. Лосский полагает, что «утрата» состояла в отказе от церковного учения о Христе как о Богочеловеке [1, с. 58], а не в атеизме, к которому писатель всегда относился резко отрицательно, считая его глупостью и недомыслием.

Барон Врангель, описывая свое общение с Достоевским в Сибири в 1854–1856 гг., рассказывает: «О религии с Достоевским мы мало беседовали. Он был скорее набожен, но в церковь ходил редко и попов, особенно сибирских, не любил. Говорил о Христе с восторгом» [1, с. 66].

На каторге началось христианское углубление религиозной жизни писателя, которая стала принимать церковные черты, стремиться к всеобъемлющему синтезу. Этому способствовало чтение Евангелия – единственной книги, разрешенной в остроге. Ее писателю подарили жены декабристов, тайное свидание с которыми состоялось в квартире смотрителя острога. Позже Достоевский напишет Н.Д. Фонвизиной: «Я скажу вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И однако же Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [1, с. 73].

После каторги Ф.М. Достоевский начинает обращаться к православной религиозной традиции, литература которой теперь занимает особое место в его чтении. Он просит своего

брата Михаила выслать ему творения Отцов Церкви и ее историю. Сам он говорил, что сила веры помогла ему счастливо перенести годы каторги и ссылки. Само наказание, которое он понес от властей, Достоевский считал справедливым. «Нас осудил бы народ», – говорил он.

В шестидесятых годах совершился окончательный возврат писателя к православию. Но все же связь эта с христианской церковью и христианской культурой происходила в нем без осознания особенно высокой ценности православия. В своем художественном творчестве в эту пору, как и до каторги, он еще не разрабатывает религиозных тем; его статьи в журнале «Время» далеки от них. Достоевский пока занят проповедью «почвенничества», призывает соединиться к народным началам. В 1862 и 1863 гг. его интерес к религии усиливается благодаря ряду событий (освобождение крестьян и реформы Александра II), которые стали удалять писателя от западного либерализма и приближать к славянофилам. Польское восстание в 1863 г. еще более оттолкнуло Достоевского от запада, заставив его уделить особое внимание роли католицизма в развитии западной цивилизации.

Определенное влияние на Достоевского оказал роман Виктора Гюго «Отверженные», который он прочитал за границей в 1862 г. Перечитывал он его и в 1867, и в 1877 гг., сидя на гауптвахте. Несомненно родство этого произведения с религиозными интересами и творчеством Достоевского. В. Гюго говорит в своем романе: «Книга эта – изображает путь от зла к добру, от ада к небу, от неверия к Богу» [1, с. 101].

Вполне возможно, что на понимание Достоевским идеи Бога могло оказать влияние общение с гегельянцами. В его тетрадях имеется следующая заметка, написанная в день смерти первой жены (16 апреля 1864 г.) Он пишет: «...человек идет от многообразия к синтезу, от фактов к обобщению их и познанию. Натура Бога другая. Это полный синтез всего бытия, саморассматривающий себя в многообразии, в анализе» [1, с. 148].

Что касается церковности писателя, то до возвращения из-за границы в 1871 г. он сравнительно редко бывал в церкви, несмотря на то, что любил молиться, по словам друзей. Лишь свои последние десять лет жизни он провел как тесно связанный с Церковью православный христианин.

Лосский пишет, что тайна личности Достоевского заключается в наличии «двух ярко выраженных крайних полюсов опыта», когда он то вступает в царство райской гармонии перед своими эпилептическими приступами, то в ночных кошмарах переживает сатанинское зло. В повседневной жизни он колебался между «титаническими страстями, раздирающими душу, и просветлениями души, восходящими до порога святости» [1, с. 46].

Достоевский как религиозный мыслитель

«Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком», – писал Ф. М. Достоевский. В своих «Записках из подполья» он раскрывает подполье в человеческой душе, гораздо худшее, чем то, что нашел в ней З. Фрейд. Одной своей стороной она уходит глубоко в область подземного хаоса. Это хорошо чувствовал Достоевский, признавая и за собой пороки неограниченного самолюбия и честолюбия. Произведение это для него имело катартическое значение. В конце «Записок» он говорит от имени своего героя: «Мне было стыдно все время, как я писал эту повесть: стало быть, это уже не литература, а исправительное наказание». Достоевский «осознал необходимость совершенного преобразования души человека для действительного очищения от зла; он понял, что идеал абсолютного совершенства не может быть осуществлен без благодатной помощи Бога, и в свете этого подлинного идеала мечты о «великом и прекрасном» европейского либерализма и социализма оказались мелкими, поверхностными» [1, с. 83].

С этого момента гений Достоевского созрел окончательно и нашел свое выражение в великих произведениях, проникнутых религиозными темами. В романе «Преступление и наказание» он изображает распад души, заглушившей в себе голос Бога. В романе «Идиот» – впервые ставит перед собой задачу построения положительного образа православного христианина. Образ такого человека складывается у писателя, очевидно, в форме противопоставления русского христианского идеала западному пониманию христианства. Пока Западная Европа вырабатывала свою цивилизацию и технику, говорит он, «мы в это время вели-

кую нацию составляли, Азию навеки остановили, перенесли бесконечность страданий, сумели перенести, не потеряли русской мысли, которая мир обновит, а укрепили ее, ... наш народ безмерно выше, благороднее, честнее, наивнее, способнее и полон другой, высочайшей христианской мысли, которую и не понимает Европа с ее дохлым католицизмом и глупо противоречащим себе самому лютеранством» [1, с. 93]. Достоевский понимает, что взялся за сложную, «безмерную» задачу, ибо прекрасное есть идеал, который ни в Европе, ни в России еще далеко не выработался. «На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица, уж конечно, есть бесконечное чудо» [1, с. 93].

В «Идиоте» писатель выразил мысль «о русском понимании Христа, о христианской миссии России в Европе, об искажении христианства католицизмом, о генетической связи социализма с католицизмом» [1, с. 95]. Заканчивая написание «Идиота», он даже задумывает новый роман «Атеист», герой которого – русский человек, потерявший веру в Бога и страстно ищущий исхода, шныряя «по новым поколениям, по атеистам, по Славянам и Европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, по священникам» [1, с. 95]. Размышляя над этим романом, Достоевский в действительности принялся писать «Бесов», куда вошла часть задуманного для «Атеиста». Другая часть задуманного вошла впоследствии в состав «Подростка» и «Братьев Карамазовых». «Главный вопрос, – пишет Достоевский Майкову, – тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, – существование Божие» [1, с. 96].

В центре миропонимания Достоевского прочно стоят идеи бытия Бога и бессмертия души. Он твердо знает их всепроникающее значение. Для него они являются вершиной человеческого познания мира и своего места в нем. Для Достоевского высшая ступень знания достигается сердцем, а не умом: «Что ты хочешь сказать словом «знать»? – спрашивает он брата. – Познать природу, душу, Бога, любовь... Это познается сердцем, а не умом... Заметь, что поэт в порыве вдохновения разгадывает Бога, следовательно, исполняет назначение философии [1, с. 55]. «Сверхчувственное восприятие возможно лишь при напряжении всех духовных способностей, направленных на осознание бытия и ценностей» [1, с. 55]. В конце жизни Достоевский еще определеннее указал на условия, освобождающие дух от суеты мимо текущей мелкой действительности и возводящие его к вечным началам. На вопрос Хохлаковой, как достигнуть веры в Бога и бессмертия души, старец Зосима отвечает: «Доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно. Как? Чем? – Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж, несомненно, уверуете и никакое сомнение даже и не возможет зайти в вашу душу» [1, с. 137].

В своем «Дневнике» Достоевский пишет: «Высшая идея на земле лишь одна, и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из одной ее вытекают» [2, с. 599]. Любовь к человеку и человечеству, о которой так много рассуждают герои Достоевского, на безбожной основе неизбежно вырождается в ненависть. Сам автор таким образом разъясняет мизантропию иных своих персонажей: «...любовь к человечеству даже совсем немыслима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой». Писатель понимает, что если нет абсолютных ценностей в мире, то и личность человеческая утрачивает свою уникальность и абсолютную ценность, поскольку она с необходимостью приобретает преходящий характер – вся человеческая цивилизация становится не более чем плесень на краю галактики, затерянной в бесконечной вселенной. Отсюда его последовательный вывод: «Все позволено». Миусов, излагая взгляды Ивана Карамазова, приписывает ему утверждение, что для лица «не верующего ни в Бога, ни в бессмертие свое, ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия» (II, 6).

В своей художественной и публицистической деятельности Достоевский изобразил все три вида последствий утраты веры в Бога и бессмертия души. «Первый вид получил наиболее глубокое выражение во внутренней драме жизни Ивана Карамазова; второй вид изоб-

ражен в общественной драме фанатически разрушительной деятельности революционеров – «Бесов»; третий вид дан в образе Федора Павловича Карамазова и Смердякова» [1, с. 144].

У Достоевского не было обстоятельно сформулированной системы учений о мире. Он сам говорил о себе: «Шваховат я в философии (но не в любви к ней; в любви к ней я силен)». Религиозный опыт давал ему непосредственную абсолютную уверенность в том, что Бог есть и бессмертие существует. Но у него возникали сомнения в том, как согласить с бытием Бога глубины мирового зла. Для него нелепо было бы решать такую проблему путем простого отрицания бытия Бога: нельзя отвергать очевидную истину из-за того, что не умеешь найти связь ее с другими истинами и фактами. Ошибаются антихристы, опровергая христианство, говоря: «Отчего же христианство не царит на земле, если оно истинно; отчего же человек до сих пор страдает, а не делается братом друг другу?». Достоевский отвечает на этот вопрос: да очень понятно почему, потому что это идеал будущей окончательной жизни человека, а на земле человек в состоянии переходном. Достижение на земле полной гармонии невозможно, ибо противоречит закону развития личности и достижения окончательной цели, которым связан человек.

Всю историю человечества и жизнь каждой отдельной личности писатель рассматривает как развитие, цель которого есть совершенное преодоление эгоистической исключительности и достижение «рая Христова». Земной человек, эгоист, есть существо, «не оконченное», «переходное». Из человека разовьется существо, свободное от эгоизма, осуществляющее заповедь «возлюби все, как себя»; человек, достигнувший такого совершенства, настолько изменит свою природу, что «вряд ли будет и называться человеком (следовательно, и понятия мы не имеем, какими будем мы существовать)» [1, с. 152].

Развитие, ведущее к Царству Божию и вечной совершенной жизни в нем, придает смысл всем страданиям и бедствиям, которые испытывает человек в земной жизни, пока не исполнил «стремления к идеалу». Без этой цели «земля была бы бессмысленна» (запись в день смерти жены). Отсюда понятно, что люди, не верящие в бессмертие, опустошаются, наполняют жизнь мелкими целями или ожесточаются и нередко кончают самоубийством. Социальное бедствие самоубийства сильно привлекало к себе внимание Достоевского. В письмах, в «Дневнике Писателя» и в своих художественных произведениях он много внимания уделяет ему.

Заключение

Религиозная жизнь Достоевского тесно связана со всеми его представлениями о мире, о цели жизни, судьбе человека, общественном идеале. Все мировоззрение Ф.М. Достоевского имеет православно-христианский характер. Все художественное и публицистическое творчество Достоевского проникнуто идеей русского православно-христианского миропонимания. Характеры многих лиц, их мировоззрение и беседы служат выражением положительных сторон русской православной культуры или же представляют собою ее своеобразные искажения. Труднейшая для художника задача – дать живые положительные образы – в значительной степени достигнута Достоевским.

Главнейшее мировоззренческое и религиозное положение для писателя состояло в существовании Бога. Из него он выводил все остальные ценности. Если Бога нет, то нет и абсолютного добра, нет абсолютного смысла жизни, нет совершенной добродетели. Каждая ступень в этом ряду отрицательных или соответствующих им утвердительных выводов связана с остальными ступенями рядом промежуточных звеньев, которые могут быть установлены только в глубоко разработанном философском мировоззрении. Однако конкретно-художественное восприятие Бога для Достоевского стоит ближе к истине, чем философские формулы. Писатель не выразил его в точных понятиях, но оно, несомненно, руководило им в его мироощущении.

Под конец жизни Ф. М. Достоевский стал духовным руководителем для многих своих соотечественников. Его служение России стало под стать служению русского старца в монастыре.

Испытав мимолетное заблуждение идеями Белинского, Достоевский порвал с идеями революционно-атеистического социализма. Он был пророком своего времени и предусмотрел

опасность попытки построения всеобщего мира и царства любви, основанной на истреблении христианской веры, когда реформаторы с подобной идеологией, дав волю ненависти, заливают кровью все современное общество.

Существенным фактором в развитии религиозной жизни писателя стала любовь к России и русскому народу. Его патриотические чувства и убеждения привели Достоевского к преклонению перед православием, и притом в той форме его, которая выработана русским народом.

Литература

1. *Лосский Н.О.* Достоевский и его христианское миропонимание. Chekhov publishing house of the East European Fund, Inc. USA. 1953.
2. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. В 2 т. М.: Книжный Клуб 36.6, 2011.

References

1. *Nicholas Lossky.* Dostoevsky and his Christian world concept. Chekhov publishing house of the East European Fund, Inc. USA. 1953.
2. *Dostoyevsky F.M.* The diary of a writer. M.: Books club 36.6, 2011.

УДК 10075

М. Г. НАПАЛКОВА

МЕДИАКУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА В РОССИЙСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена рассмотрению отдельных проблем медиакультуры современного социума через призму философского дискурса.

Ключевые слова: социум, медиакультура, информационное пространство, гуманитарное знание.

UDK 10075

M. G. NAPALKOVA

MEDIA CULTURE OF MODERN SOCIETY IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

The article considers the philosophical discourse through the prism of individual problems of media culture of modern society.

Keywords: society, media culture, information space, humanities.

Современное информационное общество отличается от предшествующих социально-исторических эпох широчайшим потоком информации, уникальными техническими средствами ее хранения, использования и распространения, что влечет за собой актуальный интерес научного обращения. Актуальность философского дискурса обусловлена рядом факторов, в частности, развитием высоких информационных технологий в контексте интеграции мирового сообщества и создания единого информационного и культурно-коммуникативного пространства, формированием массмедиа новых культурных ориентаций.

С нашей точки зрения, современная социальная система представляет собой целостное образование, основными элементами которой являются люди, их культурные нормы и социальные связи. По мнению российских ученых Г.В. Осипова, Ю.П. Коваленко, Н.И. Щипанова, Р.Г. Яновского и других, в гуманитарном научном знании социальная система представляется в трех аспектах: как множество индивидов, в основе взаимодействия которых лежат те или иные общие обстоятельства (город, деревня, трудовой коллектив и т.п.); как иерархия социальных позиций (статусов), которые занимают личности, включенные в деятельность данной системы, и социальных функций (ролей), выполняемых ими; как совокупность норм и ценностей, определяющих характер и содержание поведения данной системы. Первый аспект связан с понятием социальной общности, второй – с понятием социальной орга-